

Когда человеку не везёт, неужели за каждым его обманом непременно следует расплата, а разоблачитель уже топчется на пороге?

Цинь Чжэн воровато покосился на Цюй Чэня и тут же наткнулся на его ледяной, осуждающий взор. Государственный наставник выразительно хмыкнул:

— Ты ведь сказал, что сжёг её?

Цинь Чжэн виновато поджал губы:

— Боюсь, у барышни в руках обыкновенная фальшивка.

— Моя — настоящая! — воинственно вскинулась Лянь Цяо, выставив свиток перед собой. — Пусть сейчас на каждом углу продают поддельные списки, но эта книга — подлинная «Ментальная техника Форменной Праджни»!

Она бесцеремонно впихнула свиток в руки Цинь Чжэну и даже сама перелистнула несколько страниц, призывая его в свидетели:

— Ты ведь её украл? Вот и проверь, обманываю я или нет!

Юноша нахмурился, напуская на себя глубокомысленный вид. В действительности он никогда в жизни не видел даже обложки этого трактата, а потому различить подделку не мог при всём желании.

— погоди, не суетись... Дай взглянуть. Вроде бы похожа на настоящую, а вроде и нет. Сразу так и не скажешь...

— Какая же ты всё-таки размазня, Цинь Чжэн! — фыркнула Лянь Цяо, выхватывая свиток обратно. — Признайся уже честно: ты её в глаза не видел и никогда не крал!

Вэнь Тинъюнь, видя, что гостя хоть и вздорна, но действует напористо и без злого умысла против юноши, заговорил куда мягче:

— Я и сам никогда не верил в его виновность. Раз уж ты проделала столь долгий путь, чтобы принести эту книгу, мне хотелось бы услышать, к чему ты клонишь.

— К чему клоню? — тон Лянь Цяо тоже смягчился под вежливым взглядом хозяина девятой долины. — Наверняка вы слышали, что та самая техника, которую Цинь Чжэн якобы похитил для демонического культа, чудесным образом оказалась у простых людей. Невежественный люд мало того что принял за бездумно переписывать её, так ещё и начал продавать свитки каждому встречному глупцу, жаждущему быстрой силы. Вот только те, кто брался за

тренировки, в лучшем случае получали обратный ток крови, а в худшем — полностью лишались рассудка от искажения ци. Шаолинь поначалу закрывал на это глаза, но когда безумцев стало слишком много, монахам пришлось вмешаться.

Она злорадно усмехнулась:

— И только тогда выяснилось, что свитки действительно скопированы с подлинника. Вот только какой-то умник переписал ключевую главу. Все ведь знали, что настоятель Сюйцы лично передал её на хранение главе Вэй Бинцину. Когда её украли, все решили, что она у демонов. Сам Вэй Бинцин уверял в этом ортодоксальные школы. Но теперь фальшивки наводнили Поднебесную, а след их ведёт вовсе не в культ. Шаолинь поднял страшный шум. С одной стороны, они расставили сети по всей стране, пытаясь найти первоисточник подделок, с другой — изымают и сжигают любые копии, какие только могут найти.

Вэнь Тинъюнь прищурился:

— Монахи долго помалкивали, потому что не верили, будто копии сделаны с оригинала. Теперь же их суэта лишь доказывает подлинность манускрипта. Те несчастные, что сошли с ума, наверняка винили собственную бездарность, не подозревая об умышленной ошибке. Шаолинь из гордости никогда не признает, что великое учение их ордена лёгким росчерком пера превратили в смертоносный яд.

— Верно мыслишь, хозяин долины, — кивнула Лянь Цяо. — Но куда важнее то, что между Шаолинем и виллой Обширных Холодов из-за этого пробежала чёрная кошка.

Хоть Цюй Чэнь и не принадлежал к мастерам Срединной равнины, резиденция государственного наставника Цючи всегда поддерживала тесные связи с праведными школами. Услышав о нарастающем раздоре, он нахмурился:

— Насколько я помню, Глава виллы Вэй созывал героев по двум причинам: объявить о своём уходе от дел и передать бразды правления Цинь Чжэну. Но зачем Шаолиню понадобилось отдавать свои сокровенные знания чужаку на виллу Обширных Холодов?

Все взгляды вновь скрестились на Цинь Чжэне. Тот тяжело вздохнул, решив наконец приоткрыть завесу тайны.

— Шаолинь и Удан передали моему наставнику «Ментальную технику Форменной Праджни» и книгу меча «Без разрушения нет созидания». Учитель объяснил это тем, что знания не должны попасть в руки злодеев. Они договорились с главами школ, что в день его ухода на покой обе книги будут запечатаны в тайной комнате виллы Обширных Холодов навсегда, вместе с нашими собственными секретными техниками. Выбор пал на виллу лишь потому, что наставник поддерживал дружбу со всеми орденами, не искал выгоды и пользовался глубоким уважением. К тому же его скорый уход из мира боевых искусств делал это решение самым надёжным.

— Наставник то, наставник сё... — Лянь Цяо скривила губы в язвительной усмешке. — Ты говоришь о нём с таким почтением, словно это не он избил тебя до полусмерти и лишил всех сил на глазах у изумлённой толпы! Как можно быть таким жалким, Цинь Чжэн? Тебя предали и растоптали, а ты стоишь и преданно заглядываешь ему в рот, помогая заметать следы!

— Выбирай выражения, — ледяным тоном оборвал её Вэнь Тинъюнь, и в его глазах вспыхнул опасный огонёк.

Цюй Чэнь помрачнел. Он не опустился бы до грубых упрёков, но безвольное смирение старого друга вызвало у него глубокую досаду. Тот гордый, сияющий юноша, которого он знал, никогда бы не позволил так топтать своё имя.

— Цинь Чжэн, что на самом деле произошло в тот день, когда Глава виллы Вэй омыл руки?

Видя, что расспросы не прекратятся, Цинь Чжэн лишь горько усмехнулся. Он медленно поднялся.

— Раз уж вам так не терпится узнать... Смотрите. Прости, барышня, за нескромность.

Не говоря больше ни слова, он развязал пояс, сбросил с плеч верхнее одеяние и спустил тонкую нательную рубашу, обнажая спину.

Вэнь Тинъюнь не ожидал такого порыва. На мгновение смутившись, он отвёл взгляд, но тут же заставил себя повернуться обратно.

То, что предстало их взору, заставило Лянь Цяо шумно выдохнуть сквозь зубы.

На спине Цинь Чжэна уродливой сеткой переплетались глубокие, рваные шрамы — ровно девяносто девять следов от ударов мечом. Тогда, три месяца назад, его плоть была изрублена до самых костей. Сейчас раны затянулись, но оставили после себя жуткие, бугристые борозды, словно кто-то безжалостно кромсал иглой нежное полотно. Живая плоть срослась с сухожилиями, превратив спину в сплошной памятник истязанию, мало чем отличающемся от медленной казни.

Вэнь Тинъюнь до боли сжал кулаки. Желваки заходили на его лице, а в душе вскипела глухая, ядовитая ярость. Девяносто девять ударов. Он поклялся себе, что заставит того человека прочувствовать каждый порез на собственной шкуре.

Цюй Чэнь потрясённо покачал головой, не веря своим глазам:

— Как у Главы виллы Вэй поднялась рука сотворить такое с тобой...

Цинь Чжэн молча натянул рубаху обратно и завязал пояс. Когда он повернулся к друзьям, на его лице не осталось и следа от бывшей мягкости. Он посмотрел холодно и отстранённо.

— Насмотрелись? Если да, то избавьте меня от дальнейших расспросов. Я понёс своё наказание. Если вам кажется, что этого мало — что ж, можете и дальше ковырять мои раны.

Он перевёл взгляд на притихшую Лянь Цяо:

— Барышня, я благодарен тебе за желание помочь обелить моё имя. Но я не стану менять свои показания, даже если мне пригрозят ещё сотней таких ударов. Неужели ты думаешь, что мне не было больно? Я добровольно принял этот позор и готов нести его до могилы. Неужели ты ни разу не задумалась — почему?

Юноша сглотнул подступивший к горлу ком. Воспоминания о тех страшных днях, едва не лишивших его рассудка, вновь нахлынули удушливой волной.

— Дело давно не в том, чтобы отплатить за двадцать пять лет воспитания. У меня есть причины, о которых я не могу говорить. Пожалуйста, оставьте эту тему.

Лянь Цяо, растеряв весь свой задор, нерешительно пробормотала:

— Но ведь Лю Цзиньчжи погибла из-за него. Неужели ты оставишь её смерть без мести?

Цинь Чжэн резко вскинул голову, он потрясённо округлил глаза:

— Это ложь!

— Нет, чистая правда! — отрезала Лянь Цяо. — Её убил именно он!

Вэнь Тинъюнь, видя, как задрожали плечи юноши, мягко спросил:

— Кто такая Лю Цзиньчжи?

Цюй Чэнь нахмурился, силясь воскресить в памяти имена:

— Если мне не изменяет память... так звали покойную супругу главы виллы Вэй? Жену твоего наставника?

— Именно, — выкрикнула Лянь Цяо, опережая ответ. — Она была женой Вэй Бинцина, хозяйкой виллы Обширных Холодов. И родной матерью Цинь Чжэна!

В комнате повисла оглушительная тишина.

Цинь Чжэн медленно опустил голову, его плечи мелко задрожали. Как бы он ни пытался сдерживать лавину боли, старая рана, вскрытая столь безжалостно, отозвалась невыносимой мукой. Перед глазами возник нежный, светлый облик жены его наставника. Женщины, которая долгие годы дарила ему материнское тепло, укутывала заботой и лаской.

Она была его матерью. Той, кого он едва успел обрести, чтобы тут же потерять. Он не успел даже ни разу назвать её мамой, как она испустила дух у него на руках.

Тогда Вэй Бинцин поведал ему страшную правду. Оказалось, Лю Цзиньчжи долгие годы тайно шпионила в пользу демонического культа, пытаясь похитить их священные реликвии. Когда её замысел раскрылся, она, убоявшись расплаты, покончила с собой.

Цинь Чжэн прибежал слишком поздно. Мать лишь судорожно сжимала его пальцы, угасающим голосом умоляя выжить во что бы то ни стало, а затем затихла навеки.

Вэй Бинцин был раздавлен. Женщина, с которой он делил ложе больше двадцати лет, оказалась предательницей, лишившей его всякого покоя. Более того, их единственная дочь, Вэй Сюэцин, связалась с нечестивцами из культа и погибла, осквернённая и преданная теми, кого считала близкими.

Тогда ослеплённый горем наставник произнёс слова, которые выжглись в памяти юноши навечно: «Долг матери платит сын. Это закон небес».

И Цинь Чжэн безропотно склонил голову перед этим приговором. Он чувствовал себя виноватым в крахе чужой семьи, лишившейся покоя по вине его родной матери.

Юноша не проронил ни слезинки, когда толпа плевала ему вслед, когда его лишали сил и гнали прочь. Он безропотно принял участь изгоя. Но сейчас, вспоминая мать, которую он так и не успел согреть своей сыновней любовью, он больше не мог сдерживать слёз. Они безмолвно катились по его бледному лицу.

В памяти Вэнь Тинъюня Цинь Чжэн всегда оставался тем самым весёлым, открытым парнем с неизменной улыбкой на лице — свободным, как ветер, сильным и независимым. Казалось, нет в мире невзгоды, способной сломить его дух. И видеть его сейчас, плачущим навзрыд перед чужими людьми, было невыносимо.

Если бы рядом не было посторонних, хозяин долины без лишних слов крепко прижал бы юношу к себе, не спрашивая ни о чём. Ему было плевать на чужие тайны — он лишь хотел защитить этого упрямого, израненного человека, который привык молча сносить любые удары судьбы.

Но правила приличия сковывали движения. Вэнь Тинъюнь лишь осторожно опустил ладонь на

подрагивающее плечо Цинь Чжэна, стараясь передать ему своё тепло, и ледяным взглядом обвёл присутствующих:

— Я уже говорил: если он не хочет говорить, никто не смеет его неволить. Вам доставляет удовольствие мучить его? Ещё одно слово — и я лично вышвырну вас вон.

Цинь Чжэн почувствовал, как тяжёлая ладонь легла на его плечо, даря зыбкое чувство безопасности. Он накрыл руку друга своей рукой и тихо, едва слышно прошептал:

— Наставник не убивал её. Барышня, не говори глупостей.

Цюй Чэнь промолчал, понимая, что не имеет права вмешиваться в чужую семейную драму. Лянь Цяо хотела было возразить, но, натолкнувшись на яростный, предостерегающий взгляд Вэнь Тинъюня, поспешно прикусила язык. Решив не испытывать терпение хозяина долины, она перевела разговор в другое русло.

— Ладно, я пришла сюда не ради споров о прошлом, — вздохнула она и решительно придвинула свиток ближе к юноше. — Забирай манускрипт. Будет время — читай, пробуй практиковаться. Глядишь, и вернёшь свои былые силы.

Цюй Чэнь недоверчиво хмыкнул:

— У него полностью разрушены каналы и иссякла внутренняя энергия. Даже если великие бессмертные сойдут с небес, они не смогут исправить это. Как какая-то книга вернёт ему боевые искусства?

Лянь Цяо сложила руки на груди:

— Как думаешь, с чего бы этому старому пронице Сюйцы отдавать величайшую технику ордена на вечное запечатывание? Да потому что эта методика способна восстанавливать повреждённые меридианы и сращивать разорванную плоть! Подумай сам: скольких нечестивцев лишали сил, чтобы они больше не могли творить бесчинства? Но что, если эти силы можно вернуть?

Она схватила манускрипт и силой вложила его в ладони замершего юноши:

— Очнись, Цинь Чжэн! Неужели ты больше никогда не хочешь взять в руки меч?!